

√ $\frac{484}{1405}$

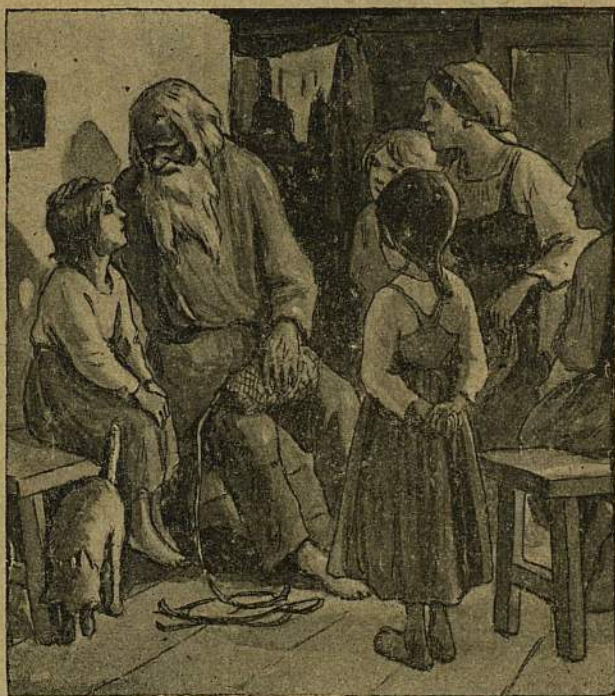

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.

484
1405

ХРИСТА РАДИ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И СКАЗОКЪ.

Издание Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

1908

484
—
1405

ХРИСТА РАДИ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И СКАЗОКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

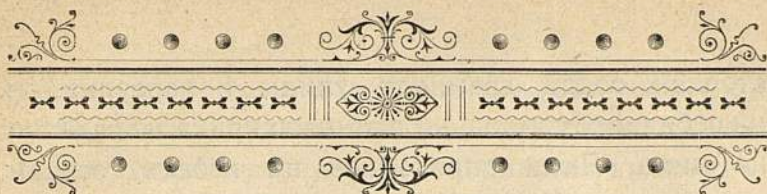
Издание Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ

1908.

2007085596

Христа ради.

(Изъ жизни и сказокъ).

Прошло жаркое лѣто, пришла сырая, слезливая осень; льетъ дождь ночи и дни. Вотъ и нынѣ съ утра сѣтъ дождь, не переставая.

Близко къ полудню; ни души на хмурыхъ улицахъ глухого села Малыя Гривки, что тѣснится у глинистаго оврага въ низкой ложбинѣ, словно прячась отъ всего на свѣтѣ, словно робко говоря каждой темной избенкой шумливымъ проѣзжимъ: „Родимые, потише, не тревожьте насъ! Мы живемъ здѣсь смирно, отъ трудовъ свой хлѣбъ ѣдимъ и благодаримъ Бога, что у насъ тихо... Родимые, не шумите, не тревожьте насъ!“

Въ Малыхъ Гривкахъ круглый годъ тихо, а въ эту дождливую пору, кажется, и кругомъ все спитъ крѣпко: спятъ оголенные, щетинистыя поля, спитъ почернѣвшій, безлиственный лѣсъ, дремлетъ глинистый оврагъ съ затихшей, словно

стоячей, водой, дремлютъ улицы и переулки, — ни ребячьяго гомона, ни птичьяго крика не слышно на нихъ. Люди спрятались въ избахъ, собаки скрылись во дворахъ подъ навѣсами, — тишь и тишь вездѣ.

Но вотъ у оврага, около дремлющихъ мельницъ, что-то мелькнуло въ сѣющемъ дождѣ; минута-двѣ — и въ село мѣрной, неспѣшной поступью вошелъ древній старикъ, — высокій, худой, бѣлъ лицомъ, бѣлъ волосомъ, въ короткомъ, порыжѣломъ чапанѣ, съ прорѣхами по швамъ, подпоясанномъ темнымъ лыкомъ, съ заплатной сумой, перекинутой черезъ лѣвое плечо, съ длинной клюкой въ костлявой рукѣ.

Бредеть старикъ по кривой улицѣ, что-то шепчетъ самъ себѣ, тихо шамкая безкровными губами, — идетъ отъ избы къ избѣ съ Христовымъ именемъ, видно, нѣтъ у него ни силъ для труда, ни жилья, ни хлѣба, но есть великое терпѣнье, душевный миръ и Христово имя; съ ними въ крѣпкой любви и въ полномъ согласіи живетъ старикъ свой долгій вѣкъ, съ ними онъ трудился, съ ними встрѣчалъ свое горе, свои радости, они сближали и сближаютъ его съ людьми. Всѣ старому близки, всѣ хилому далеки, всѣмъ онъ говоритъ коротко: „ради Хри-ста“, „спаси васъ Богъ!“

Кускомъ хлѣба старый человѣкъ никого не обидитъ, и даютъ ему кусочки по окнамъ, а гдѣ люди сердцемъ помягче, потеплѣе, тамъ пустятъ и въ избу, обогрѣютъ, посадятъ за столъ; тамъ

похлебають кисленькихъ щець, пожуеуть гречневой каши, тамъ, глядишь, дадутъ и уголокъ въ дождливую или морозную ночь. Теплымъ лѣтомъ старикъ часто ночуетъ и въ хлѣбномъ полѣ, и въ зеленыхъ душистыхъ лугахъ подъ звѣзднымъ небеснымъ пологомъ, или въ привѣтливомъ, глухомъ лѣсу подъ любымъ вѣтвистымъ деревомъ на мховой постели.

Ѣсть онъ немного, спитъ крѣпко, безъ тревогъ, не думая о лишеньяхъ: вѣдь лишаться ему нечего.

Такъ живетъ и такъ бродитъ старый дѣдъ по селамъ, по деревнямъ, въ понизовомъ Поволжьѣ; такъ идетъ онъ и теперь по кривой улицѣ села Малыхъ Гривокъ, заплетая старыми ногами, опираясь на длинную клюку, скользя по грязи набухшими подковыренными лапотками, какъ на лыжахъ.

Намокъ его выносившійся чапанъ, намокли рѣденькія онучи, намокла потерявшая цвѣтъ, смятая шапка, сползшая далеко на затылокъ и обнажившая открытый съ залысиной лобъ, — весь намокъ онъ, но, видно, привыкъ къ этому старый: не дрожитъ и спокоенъ поступью, осанкой и лицомъ. Подадутъ, не подадутъ, — перекрестится, скажетъ: „Спасибо, милые! Христось васъ помилуй!“ — и не спѣша идетъ дальше.

Подошель старикъ къ чумазой избенкѣ съ вихрястой соломой, смотритъ безцвѣтными глазами въ маленькое оконце, — видитъ: рыженькая

дѣвчоночка сидить, какъ разъ у окошка, хлѣбъ жуеъ.

„Должно, нонѣшній хлѣбецъ-то, мяконькій, о-охъ! отвѣдать бы мяконькаго!“ — вздохнулъ старикъ, закашлялъ и подалъ голосъ:

— Ми-ло-стынь-ку Хри-ста-а ра-ди-и!

Рыженькая дѣвчоночка вздрогнула, встряхнула кудлатой головой, отняла быстро хлѣбъ ото рта, синіе глаза ея расширились; но она разомъ словно опомнилась, поняла, въ чемъ дѣло, припала къ окну, съ большимъ усиліемъ подняла нижнюю половину почернѣлой рамы и подала объѣденный ломоть старику.

— Прими, дѣдушка, Христа ради! — прозвучалъ печально ея мягкій голосъ.

— Внушенька!.. Марьюшка! — протянулъ радостно старикъ, и въ глазахъ его засвѣтился огонекъ.

Онъ смотрѣлъ пронизательно, счастливо и, казалось, видѣлъ кого-то близкаго, родного.

— Агашка я, Агашка! — крикнула рыжая дѣвчоночка.

— Агаша-а!.. та-акъ!.. Внучка у меня была такая-то, — Марьюшка... Богъ ее взялъ... Глазки тоже синенькіе... ласкова такъ-то была... — говорилъ какъ-будто самъ съ собой старикъ.

— Агашка! кто тамъ? — слышался окликъ изъ чуланчика отъ печки.

— Старичокъ, маменька, древній... кажись, недужный... милостыньку просиль...

— Зови въ избу.

— Дѣдушка, иди къ намъ, у насъ нонѣ похлебка картофельна съ грибами... у-у, хороша!.. каша въ печи прѣтъ... Мамка зоветъ...

— О, милушка, радѣльщица!.. Награди васъ Богъ!..

Прошло двѣ-три минуты, Агашка прыгала ужъ босыми ногами на темномъ крылечкѣ, громко вскрикивая:

— Гляди, дѣдушка, подѣ ноги-то... Ишь, эта ступенька подгнила!

— Ладно, родимая, ладно, глазами-то я зорокъ, — опираясь на клюку, не спѣша говорилъ и не спѣша взбирался на крыльцо старикъ.

Агашка прыгнула въ сѣнцы, потянула за веревку, дверь распахнулась, и въ избу вошли разомъ старикъ и дѣвчоночка.

Блѣднолицая, худая, со впалыми глазами, женщина привѣтливо встрѣтила старика, говоря:

— Иди-ка, дѣдушка, иди! Садись, вонъ, на переднюю лавку, отдохни, потомъ и поѣшь съ нами горяченькаго.

— Спасибо, касатая, и то — отдохну...

— Издалека бредешь-то?

— Да какъ сказать? Издалека и изблизка... Путь-то одинъ — отъ деревни до деревни, отъ села до села, — говорилъ старикъ, сложивъ на ближнюю лавку шапку и суму и усаживаясь вблизи ихъ. — Хорошо у васъ въ избѣ-то... чисто! — добавилъ онъ, оглядывая все кругомъ.

— Да-а... ничего... живемъ, слава Богу... Одно худо, — безъ мужиковъ маемся...

— А мужики-то гдѣ? Въ извозѣ что ль?

— Да-а... въ далекомъ пути... отколь не приходятъ... Хозяинъ, мужъ, значить, да сынъ старшій вотъ болѣе году на тотъ свѣтъ ушли...

— А-а... худо... но не ропщи... Видно, Богъ тебя любитъ... испытаніе послалъ, а силъ не отнялъ.. Вижу, и безъ мужиковъ дворъ у васъ справный...

— Да-а... ничего... помаленечку да полегонечку тянемъ дни съ ребятенками... Одинъ-то мужикъ вонъ остался... по девятому году,—у-у! лютой! бороновать—первый... за соху ужъ берется...

„Мужикъ по девятому году“ въ это время неторопливо одернулъ свою синюю рубаху, подошелъ ближе къ столу, исподлобья посматривалъ на стараго дѣда.

— Здорово, хозяинъ! Какъ звать, величать тебя?

— Прокофьемъ, дѣдушка, по родителю, значить, Игнатьевъ, а по-уличному—Мизгирь...

— Хорошо, все хорошо, паренекъ! Улица кличку даетъ не спроста... Мизгирь—заботливъ и трудъ любить, паутину его сколь ни рви, онъ, знай, плететь...

На сумрачномъ лицѣ Прокофья прошла сдержанная улыбка; Агашка въ эту минуту подпрыгнула къ нему сзади и дернула за мохры линючаго пояса; паренекъ рѣзко отмахнулся, проговоривъ твердо:

— Не балуй, дѣвка!

— Садитесь за столъ... Фимка, Грунька, Стешка, куда вы попрятались?

— Надѣлилъ тебя Господь дѣтьми-то, касатая, хорошая семья,—слава Богу!..

Изъ чуланчика высунулись три косматыхъ головенки; любопытныя дѣвчата зорко осматривали дѣда.

— Стешка, не толкайся...

— Грунька, гляди-ка... лицо-то какое у его бѣ-ѣлое, что мука, ни кровинки...

— А Глаза, Фимка, какъ свѣтять...

— Что вы, ребятенки, сгрудились въ двери?.. Идите къ столу... что оробѣли? Дѣдъ ласковый...

— Идите, дѣвоньки, идите, и у меня гостинцы есть... Моя сума мала, да все про всякъ случай блюдетъ... кренделекъ, сухарикъ, корочка, кажись, и рожокъ сахарный найдется въ ей...

Дѣвчата захихикали и выдвинулись изъ чулана.

— Веселыя у тебя, касатая, дѣвки растутъ, работающія будутъ...

Дѣвчата, подталкивая одна другую, подвигались ближе къ лавкѣ, гдѣ лежала сума, на которую онѣ внимательно поглядывали; Грунька шептала на ухо Фимкѣ:

— Заплатъ-то на ей сколько! И добра, вишь, стра-асть!..

— Да-а, Грунька, рожки тамъ... у! сладкіе... Помнишь, батя съ городу привозилъ... языкъ проглотись...

Стешка въ это время осторожно ужъ гладила заплатаю суму смуглой рукой...

Старикъ, глядя на нее и ласково улыбаясь, говорилъ:

— Что, дѣвонька, хороша, видно, у дѣдушки сумка-то? Христова она...

— Хри-сто-о-ва-а?!

— Да, милушка, Христова! Отъ Него, Самого Господа, старому за долгіе годы въ награду дана; за ее предъ Нимъ Самимъ онъ и отвѣтъ большой будетъ держать...

— Отвѣтъ? — полушепотомъ спросилъ паренекъ Прокофій съ недоумѣніемъ.

— Да, хозяинъ, отвѣтъ... Всякъ за все отвѣтъ дастъ; это будетъ безпремѣнно, а за суму—особый .. потому сума Христова и по міру она ходитъ, о Христвѣ всѣмъ поминаетъ и о немощахъ людскихъ; всѣ въ немощахъ раждаются и въ немощахъ помирають, въ нихъ наша слабость и наша сила... Вотъ ты ростомъ и видомъ до мужика настоящаго еще не дошелъ, а за мужика ходишь, ну, стало, и мужикъ... Слабъ ты, и въ слабости силенъ... Вотъ я годамъ своимъ и счетъ потерялъ, еле плетусь... Живая, выходитъ, немочь, а Богъ, значить, силы даетъ,—какъ утро—бреду, и въ коемъ мѣствѣ Господь по душу пошлетъ—не знаю, а пошлетъ, предстану предъ Нимъ и отвѣтъ дамъ за суму Его... Такъ-то, милый, такъ-то!..

У Прокофья брови насупились, зрачки глубоко ушедшихъ во впадины глазъ расширились,

онъ не сводилъ ихъ со старика и, казалось, хотѣлъ проникнуть вглубь его души и понять непонятный ему смыслъ его словъ.

— Ну, молитесь и садитесь за столъ; я ужъ накрыла, вотъ и похлебку несу,—проговорила хозяйка.

Старикъ и ребята покрестились на темную икону угодника Николая и начали усаживаться за длинный столъ, накрытый синей скатертью. Тутъ только замѣтила хозяйка, что дѣдъ все еще не снялъ чапана.

— А ты, дѣдушка, чапанъ-то посушилъ бы маленько...

А и то развѣ снять?—нерѣшительно отвѣтилъ старикъ.

Онъ судорожно передернулъ плечами; по лицу его прошла легкая тѣнь: казалось, старикъ что-то вспомнилъ и задумался.

— Что же? Снимай да и вѣшай вонъ на гвоздь, ужъ болѣ году одежда на немъ мужицкая не висѣла, какъ Игната Богъ взялъ...

— Оно та-акъ... оно та-акъ... да гоже ли будетъ? Вишь, рубаха-то у меня обветшала малость... Ну, да мнѣ всѣ свои, и вы свои... Ужъ не обезсудьте,—и дѣдъ медленно стащилъ съ себя мокрый чапанъ.

Выцвѣтшая рубаха почти уже расплзлась на плечахъ и изъ прорѣхъ изъ-подъ большихъ заплатъ мѣстами выглядывало желтое, костлявое тѣло. Старикъ повѣсилъ чапанъ на деревянный

гвоздь, большимъ зубомъ выступавшій на темной стѣнѣ и, вторично истово покрестившись на старую икону, сѣлъ къ столу съ угла.

— Двигайся, дѣдушка, впередь, къ божницѣ, вонъ къ нашему мужику; чашка-то съ похлебкой къ тебѣ ближе будетъ, — сказала снова хозяйка.

Паренекъ Прокофій, не спѣша перебравъ ломти хлѣба, наложенные горкой на деревянномъ кружкѣ, выбралъ ломоть помягче и, не глядя, молча положилъ его въ сторону дѣда, обратившись тутъ же къ сестрамъ:

— Дѣвки, что глазѣете? Дайте-ка сюда ложки.

Старшая, Грунька, передала брату всѣ ложки; онъ одну изъ нихъ, также молча и не глядя, положилъ старику, а двѣ обгрызанныхъ передалъ Агашкѣ и Фимкѣ.

— Берите, дѣвки, это ваши; ишь, лакомки-грызуны...

Фимка и Агашка захихикали и потянулись къ ложкамъ.

— Что хохочете? За хлѣбомъ-солью такъ-то неладно...

Дѣвчата притихли.

Началось молчаливое всхлебыванье горячей похлебки изъ большой общей деревянной чашки, надъ которой дымился легкій паръ. Лица всѣхъ, даже ребячьи, были серьезны, по временамъ только кто-нибудь отводилъ ложку, долго задержавшуюся въ чашкѣ и вылавливавшую или грибъ, или картошки побольше, и такая ложка живо исче-

зала изъ чашки, не захвативъ ничего, кромѣ горячей жижи съ разварившейся крупой. Дѣдъ медленно вытягивалъ свою наполненную ложку, осторожно проносилъ къ беззубому рту, боясь расплескать ее.

Ребята живо поѣли; лица ихъ раскраснѣлись; они поглядывали весело.

Хозяйка подвинула чашку ближе къ старику и участливо проговорила:

— Доѣдай, дѣдушка, на днѣ-то грибы остались и картошки, поди, немало... Ребята ѣли проворно, тебѣ за ними не поспѣтъ, — голодень останешься...

— Спасибо, милушка, я ужъ сытъ, старому много ли надо? Вотъ грибовъ малость захвачу, поспѣдаю; хороши грибы-то... Урожайный на нихъ нонѣ годъ, вездѣ такъ-то хвалятъ...

— Да, грибовъ послалъ Богъ довольно, особенно опенковъ, — не проглянешь.

— Хорошъ грибъ опенокъ, малъ, а хорошъ, крестьянскій грибъ; на него хоть и не зарятся, какъ на груздь, аль бѣлый, али масляникъ, а онъ вкусень...

Хозяйка тутъ же подала большую чашку гречневой каши; ребята, облизнувъ ложки, не дожидаясь, пока дѣдъ долавливалъ остатки грибовъ и картофеля, принялись за свое любимое блюдо; у дѣвчатъ на зарумянившихся лицахъ играла счастливая улыбка.

— Подвинь, Прокофій, кашу къ дѣду! — сказала хозяйка. — Далекѣ ему тянуться къ чашкѣ.

Паренекъ, встряхнувъ подстриженными въ скобку волосами, подвинулъ чашку съ кашей къ дѣду; Фимка и Агашка поднялись на лавкѣ даже на колѣни, вытянули далеко руки, захватывая кашу изъ чашки и пронося надъ сложенной въ горсть ладонью лѣвой руки, боясь уронить хотя крупинку, низко припадали косматыми головами, казалось, жадно, по-птичьи, глотали кашу, широко отдуваясь; Агашка отъ торопливости обожглась, замотала головой, и каша посыпалась изо рта на скатерть.

— Хозяйка то-оже, — протянулъ въ ея сторону паренекъ Прокопій. — Погоди, вонъ свекровь тебя выучить кашу ѣсть.

Грунька, Фимка и Стешка подняли головы и съ сожалѣніемъ посмотрѣли на Агашку, которая припала къ столу и собирала рукой и ртомъ разопрѣвшія крупинки гречневой каши, глотая ихъ наскоро, по-воробьиному, не видя и не слыша, что кругомъ ея дѣлается; въ это время каша для нея была важнѣе всего и всѣхъ, и ей некогда было думать о будущей своей свекрови, хотя свекровью ее часто за шалости пугали.

Снова водворилось молчаніе, снова всѣ аппетитно ѣли.

Кончилась ѣда, всѣ разомъ поднялись, покрестились въ передній уголь; старикъ сказалъ:

— Слава Богу, напیتالъ Господь!.. Спасибо, ласковые, на привѣтъ, на хлѣбъ-соли.

— Не стоить, дѣдушка, не обезсудь, — отвѣтила хозяйка. — Можетъ, усталъ за день-то, приляжь часокъ, отдохни, Грунька тебѣ полость подкинетъ на конникъ...

— Спасибо, родимая, не привыченъ я къ этому... ночью только сплю... Съ сумой вотъ со своей разберусь, лапотки подковыряю и промаячу до вечера... Ночь падеть, — сонъ придетъ...

Старикъ раскрылъ суму, его обступили дѣвчата, заглядывая и желая узнать, что тамъ у стараго? Только паренекъ Прокофій неторопливо натянулъ на себя чапанъ, крѣпко подпоясалъ его пестрымъ кушакомъ и взялся за шапку.

— Ты куда, сынокъ? — спросила его мать.

— Чай, знаешь, скотину надо напоить, соломы ей подбросить... Дрова-то въ чуланѣ есть?

— Мало, сынокъ...

— Ладно! нарублю хворосту охапку, пускай Грунька придетъ, принесетъ тебѣ...

— Хорошо, милый...

„Мужикъ по девятому году“ взялъ топоръ и тутъ же скрылся за дверью.

Старикъ сталъ выкладывать изъ сумы свое достояніе; онъ положилъ двѣ краюшки чернаго хлѣба, кусокъ пирога съ капустой, кусокъ бѣлой сайки съ изюмомъ, рѣпчатую луковицу и что-то завернутое въ смятой бумагѣ.

— А-а! — протянулъ онъ, — тутъ, тутъ! кача-

дыкъ, связочка лыка и ножикъ кургузый... тутъ!.. — И, довольный, вынулъ все это и положилъ сбоку на лавку. — Сейчасъ лапотки обновимъ, а допрежь угощеніе будетъ вамъ, ребята; отвѣдайте-ка вотъ Христовой сайки; отъ барыни она, отъ старушки Прошинской... сайка-то господская... Чайкомъ попоила старушка и кусочекъ вотъ саички дала, саичку-то я сберегъ про всякъ случай... анъ и пригодилась... Ышьте! — онъ разломилъ ее и роздалъ дѣвчатамъ; кусочекъ съ изюминой онъ далъ Агашкѣ. — Это тебѣ, невѣстка, ты ласкова, и свекровь у тебя будетъ ласкова, — не пужайся!

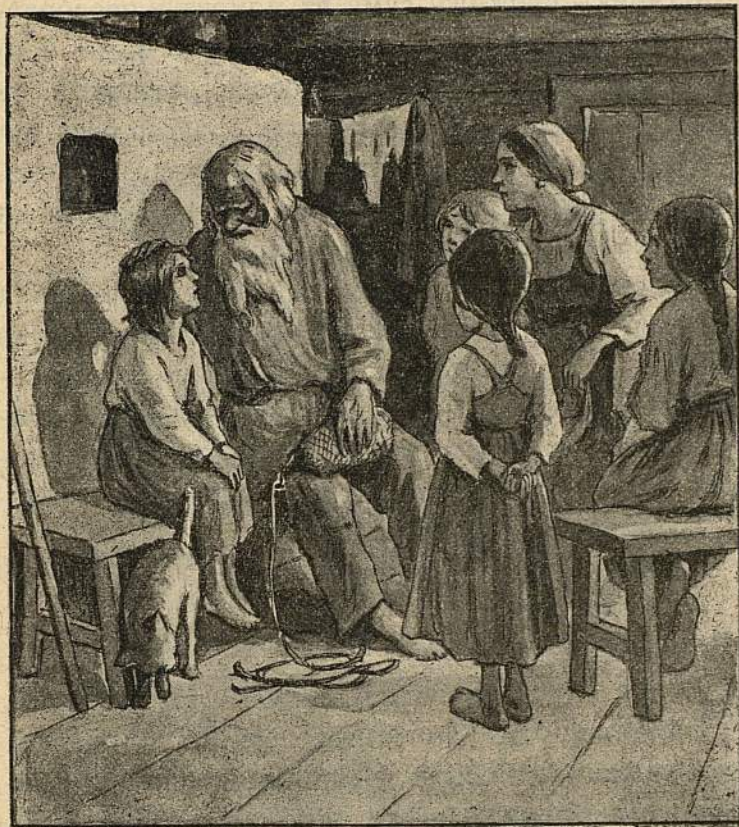
Ручонка у Агашки тряслась, сжимая кусокъ сайки съ изюминой; дѣвочка робко озиралась на сестренокъ, боясь, какъ бы кто-нибудь изъ нихъ не отнялъ изюмины.

Старикъ не спѣша придвинулъ къ себѣ свертокъ бумаги и не спѣша раскрылъ его. Изъ кусковъ сахару выглянули темные стручки рожковъ; глаза дѣвчатъ забѣгали, какъ мышата, по раскрытому свертку; онѣ сгрудились и толкали другъ друга.

— А это сахарокъ, рожочки, милушки... Дочка вдовой матушки-попадъи въ Лемешкинѣ пожертвовала... Матушка-то молочной лапшой покормила, а дочка, вишь, сластей дала... Теперь онѣ какъ разъ... Грызите! — и онъ роздалъ дѣвчатамъ по куску сахару и по стручку.

Дѣвчата зажали ихъ въ кулаки и молчаливо отошли въ сторонку, разжимая каждая осторожно

кулакъ и заглядывая въ него, какъ бы справляясь, тутъ ли ея рожокъ и ея сахаръ. Старый дѣдъ улыбаясь, сложилъ въ сумку хлѣбъ и луковку, оставилъ кусокъ пирога съ капустой на столѣ.

— Милая, — обратился онъ къ хозяйкѣ, —
пирогъ-то уברי къ себѣ...

— Зачѣмъ, дѣдушка?

— Вечерять будемъ, съ твоимъ паренькомъ-хозяиномъ съѣдимъ, можетъ, и ты отвѣдаешь... Пирогъ съ капусткой вчерашній, хорошъ,—отъ души радѣльной въ суму попалъ...

— Спасибо, дѣдушка, спрячу...

Старикъ сложилъ суму въ комокъ и перебрался съ качадыкомъ, лыками и ножомъ на конникъ, развязалъ мохрястыя оборы, стащилъ съ усилиемъ съ ногъ мокрыя лапти, развернулъ рѣденькія онучи и сталъ шелушить кургузымъ ножомъ темный, верхній слой съ лыкъ, складывая узкія, желтыя ленты ихъ въ сторону.

Къ столу въ это время уже присѣли хозяйка съ синей рубахой въ рукахъ, въ которыхъ живо забѣгала игла; рядомъ съ ней сидѣла старшенькая дѣвчоночка, Груня, и штопала чулокъ; Стешка, Агашка и Фимка въ сторонкѣ молчаливо жевали рожки, съ удовольствіемъ облизывая губы.

Хозяйка начала разговоръ:

— Какъ тебя, дѣдушка, звать-то?

— Митричемъ...

— А имя-то твое?

— Ну, объ имени не спрашивай... Вотъ никакъ не припомню: не то Яковъ, не то Степанъ... Родъ-то нашъ, Босыхъ, давнишній, значить, изстари онъ Босыхъ, и все это у насъ Степаны, Яковы да Митріи, такъ отъ дѣдовъ идетъ... Живу я много... у-у, много... далеко за сто перешло... и не запомню, съ какихъ поръ все Митричемъ меня зовутъ... Ну, имя-то и утерять...

— Поди, ты много, дѣдушка, на своемъ вѣку видалъ?

— Да-а, довольно, касатая, довольно видано... Худо и добро съ давнихъ годовъ ходять со мной...

— Не уразумѣю этого, дѣдушка...

— Это ты насчетъ худа и добра? Напрасно... Они и при тебѣ жили и живутъ... при всѣхъ живутъ... Испоконъ это вѣка такъ-то идетъ... гдѣ объявится добро, тамъ позади его выглядываетъ и худо. Добро-то попросту ходить, оно совѣстливо, худо—почасту у! какъ принаряжено!.. все ему не въ сытость, не въ утѣху... Добро падко на работу; худо отъ дѣла носъ воротить. Худо къ горю ведетъ, добро—къ покою... Знавалъ я много годовъ худо, въ большемъ достаткѣ живалъ и не зналъ покою... Теперь все со мной и на мнѣ,—и знаю я покой...

Хозяйка удивленно взглянула на старика и не сводила съ него глазъ.

— Что глядишь, аль не вѣришь?

— Да какъ же такъ-то, дѣдушка: ни пристанища, выходитъ, у тебя, ни призрѣнія, а ты покоенъ...

— Добро со мной ходить, и оно вотъ приводитъ къ добрымъ и къ тебѣ привело... Миръ великъ, и добрыхъ въ немъ много,—у нихъ мое пристанище, привѣтъ и ласка. А нищъ я и убогъ, такъ, значить, Господомъ опредѣлено вѣкъ мой покончить, и въ этомъ сердце мое спокойно. Слышала, на людяхъ молва живетъ, что самъ Никола

угодникъ часто по свѣту ходитъ въ нищемъ обличіи, въ простомъ одѣяніи, лычкомъ опоясанъ?

— Слыхала, дѣдушка, отъ родителей такой сказъ.

То-то и оно... Отъ его, батюшки, идетъ милость нищей братіи.

Дѣвчата, кончившія жевать рожки, слушали старика внимательно; Агашка забралась даже на конникъ и припала головой къ плечу дѣда. Старикъ повернулся къ ней лицомъ, погладилъ ее, поцѣловаль въ глаза, сказавъ ясно:

— Вотъ она, ласка-то, и для Божьяго нищаго есть... и хорошо на сердцѣ, у! какъ хорошо!..

Въ темнѣйшей избѣ настало глубокое молчаніе. Проворно ходилъ качадыкъ въ рукѣ стараго дѣда, подковыривавшаго лапотъ; слышалось шуршанье отъ скользившихъ лыкъ. Всѣ впали въ раздумье. Хозяйка думала: „Вотъ живетъ она лучше стараго Митрича, а, поди ты, ропщеть и бередить свою душу, а онъ хоть бы что—спокоенъ себѣ“. Митричъ думалъ: „Господи, благодарю Тебя за долгій вѣкъ! И каждый-то день Ты указываешь мнѣ добрыхъ людей, и легко у меня на сердцѣ... Благодарю Тебя!..“ Агашка уставилась глазами на дѣда, въ маленькой головѣ ея проходило: „Ужъ это не Никола ли Милостивый къ намъ въ избу пришелъ? Вѣдь и онъ лычкомъ былъ опоясанъ... чего у него въ сумкѣ-то нѣтъ?!. Онъ, поди!..“ И она вдумчиво, не по-дѣтски, запоминала черты его стараго лица, особенно взоръ его

ясныхъ, казалось, свѣтившихся глазъ, проника-тельно проходившій по лицамъ всѣхъ.

Стемпло; замигаль въ избѣ свѣтець; старикъ, мѣшкотно собравшись, пошелъ во дворъ, сказавъ хозяйкѣ;

— Пойду къ вашему хозяину, помогу часомъ, по силѣ-мочи убрать скотину...

Только онъ вышелъ, хозяйка прошла въ чуланчикъ, наскоро порылась тамъ въ коробѣ, наскоро подошла къ сумѣ Митрича, озираясь на дѣвчатъ, забившихся на печи, какъ-то совѣстливо положила въ нее синюю рубаху покойнаго Игната, тяжело вздохнувъ, и тутъ же тѣнью скрылась снова въ чуланѣ, гдѣ принялась усердно рѣзать хлѣбъ къ ужину...

Настала ночь, всѣ спали въ избѣ: ребята—на полатяхъ, хозяйка—на печи, старый Митричъ—на голомъ конникѣ, положивъ голову на свою сумку; онъ не легъ на войлокѣ, сказавъ коротко: „Отвыкъ я отъ мягкаго-то“.

Тихій сонъ осѣнилъ всѣхъ.

Далеко за полночь, старикъ поднялся, неслышно прошелъ въ передній уголъ, постоялъ тамъ недолго, пошуршалъ чѣмъ-то у иконы и снова прилегъ на конникъ.

Съ третьими пѣтухами, чуть скрипнула дверь, кто-то глубоко вздохнулъ въ избѣ,—и снова все затихло.

Чуть забрезжилось туманное утро, заглянувъ

робко въ подслѣповатыя окна, проснулись въ избѣ ребята, встала хозяйка; старика не было.

Когда ободняло совсѣмъ, Агашка первая увидѣла у темной иконы угодника Николая луковку Божьяго нищаго.

— Мамынька, гляди-тко.—Христова луковка.

Мать молчаливо перекрестилась, сказавъ:

Будемъ беречь ее, пускай лежитъ у Милостивца. Онъ не оставилъ и не оставитъ насъ въ горѣ!

И не одинъ годъ лежала эта луковка у иконы и какъ-будто говорила: „Будьте терпѣливы и тверды въ горѣ, и горе одолѣете!“

Ребята подросли, вся семья окрѣпла, жила въ одной избѣ, и всѣ помнили стараго нищаго, много прожившаго и нашедшаго душевный покой и миръ въ скитаніи.

23370

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Сочиненія Клавдіи Лукашевичъ.

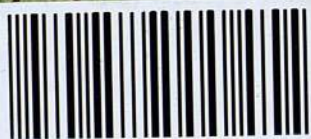
1) Кирюша юродивый и Бѣлогрудка (для младшаго возраста). Цѣна	15 к.
2) Бѣднота (разсказъ для средняго возраста)	„ 15 к.
3) Старый Памфиличъ	„ 15 к.
4) Тихонъ Михайловичъ.	„ 20 к.
5) Завѣтное окно	„ 12 к.
6) Изъ жизни бѣдняковъ	„ 20 к.

Сочиненія Н. А. Соловьева-Несмѣлова.

1) Первый день Рождества (картинки съ Поволжья).	Цѣна 10 к.
2) Абросимычъ (разсказъ).	„ 10 к.
3) Скрипачъ (разсказъ)	„ 12 к.
4) Панкратъ (этюды)	„ 10 к.
5) Гавельничъ (разсказъ)	„ 8 к.
6) Настя (разсказъ)	„ 10 к.
7) Подъ снѣгомъ и мятелицей (разсказъ)	„ 12 к.
8) Христа ради (разсказъ).	„ 10 к.
9) Христовлавы (разсказъ)	„ 8 к.
10) Въ степи (кануны и первые дни Пасхи на хуторѣ) картинки. „	10 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

С.-Петербургъ, Кабинетская улица, № 13.

2007085596